

ЛИТЕРАТУРА – РЕАЛЬНОСТЬ – ЛИТЕРАТУРА

DOI 10.37386/2305-4077-2024-2-84-97

Т. С. Карпачева¹

Московский городской педагогический университет (Москва)

ОБРАЗ ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА В «СЕЛЕ СТЕПАНЧИКОВО И ЕГО ОБИТАТЕЛЯХ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассматривается вопрос соотношения лжепророка и лжеюродивого Ивана Яковлевича Корейши с Фомой Фомичом Опискиным. Упоминание Корейши в «Селе Степанчиково и его обитателях» помогает разъяснить феномен почитания «шута» и приживальщика, впоследствии получивший название «культ психических больных». Можно с уверенностью говорить об антропологическом открытии Достоевского: писателем выявлены признаки «аддиктивной» (зависимой) личности, феномен которой будет открыт психологической наукой лишь в наши дни. В произведении показан весь абсурд культовой зависимости, ничтожность личности лидера культа, образа «гуру» как «голого короля».

Ключевые слова: Достоевский, «Село Степанчиково и его обитатели», Корейша, секта, малый персональный культ, культовая аддикция, шут, приживальщик

T. S. Karpacheva

Moscow City University (Moscow)

THE IMAGE OF IVAN YAKOVLEVICH KOREISHA IN “THE VILLAGE OF STEPANCHIKOV AND ITS RESIDENTS” F.M. DOSTOEVSKY

The article discusses the comparison of the false prophet and false fool Ivan Yakovlevich Koreysha and Foma Fomich Opiskin. The mention of Koreysha in “The Village of Stepanchikov” helps explain the phenomenon of veneration of the “clown” and hanger-on, which later became known as the “cult of the mentally ill”. We can speak with confidence about Dostoevsky’s anthropological discovery: the writer identified signs of an “addictive” (dependent) personality, the phenomenon of which will be discovered by psychological science only in our days. The work shows the absurdity of cult dependence, the insignificance of the personality of the cult leader, the image of the “guru” as a “naked king”.

Key words: Dostoevsky, Stepanchikovo village and its inhabitants, Koreysha, sect, small personal cult, cult addiction, jester, hanger-on

¹ Карпачева Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы МГПУ. KarpachevaTS@mgpu.ru.

При изучении «Села Степанчикова и его обитателей» ученые неоднократно обращались к вопросу о природе власти Фомы Фомича Опискина: каким образом «шут», приживальщик смог взять весь помещичий дом в свои руки и подчинить себе семейство полковника Ростанева? Устойчивым в науке является понимание образа Фомы как «русского Тартюфа» [Алексеев, 1921, с. 17–20]; [Мочульский, 1995, с. 303]; [Чулков, 1939, с. 68–69]; [Гроссман, 1965, с. 208]; [Чирков, 1967, с. 34]; [Лотман, 1987, с. 153] и др.

Начиная с известной статьи Ю. Н. Тынянова «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)», в достоевистике не утрачивает актуальности вопрос о пародийном начале «Села Степанчикова...» [Тынянов, 1921]. И если Тынянов был убежден в том, что Фома Фомич создан как пародия на Гоголя [Тынянов, 1921, с. 27–48], то в настоящее время в науке уживаются самые различные взгляды на объект пародирования в «Селе Степанчиково». В течение столетия после выхода статьи Тынянова наука обогатилась новыми предположениями об адресате / адресатах пародийного образа Фомы Фомича: поэт Н. В. Кукольник [Альтман, 1971, с. 205], Рудин и – шире – «человек сороковых годов», проживающий свой век в духовных исканиях и на чужой счет [Лотман, 1987, с. 161–162], Обломов, Печорин, Чацкий, Хлестаков, а также отчасти и самопародирование [Нестюричева, 2013, с. 31], Петрашевский, петрашевцы и вообще социалисты [Кибальник, 2010] и др.

Однако если «цель поэзии – поэзия», то целью пародии не может быть пародия сама по себе. Вряд ли пародирование либо переложение на русскую почву известных образов мировой литературы могло бы стать самоцелью писателя. Тем более известно, что Достоевский придавал огромное значение созданным им характерам: Фомы и полковника Ростанева. В письме к брату по поводу «Села Степанчикова...» писатель называет его своим *лучшим произведением* (выделено автором. – Т.К.) и признается: «...тут положил я мою душу, мою плоть и кровь» (т. 28/1, с. 326)². Сложно представить, чтобы «душу..., плоть и кровь» писатель «положил» на то, чтобы спародировать Гоголя и (или) кого-либо еще. На художественное новаторство романа, которое в полной мере можно считать психологическим или даже антропологическим открытием, указывает сам автор в том же письме: «два огромных типических характера, *создаваемых и записываемых* пять лет, обделанных безукоризненно (по моему мнению), – характеров вполне русских и плохо до сих пор указанных русской литературой» (т. 28/1, 326). Безусловно, эти два характера – Фома Опискин и Ростанев – интересны сами по себе, как художественное открытие писателя, а не как пародии.

Так, В. Я. Кирпотин предлагает понимать образ полковника Ростанева как «новую ступень в изображении столь излюбленного Достоевским типа

---

² Произведения Ф. М. Достоевского цитируются по: Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Далее при цитировании указываются и страницы в круглых скобках после цитаты.

”слабого сердца”» [Кирпотин, 1960, с. 519]. Наиболее необычным оказывается тот факт, что «слабым сердцем» в романе наделен полковник, мужественный, храбрый человек, богатырской наружности, владелец имения, отец двоих детей, вдовец, но еще молодой, чтобы жениться второй раз по любви. В том, что именно такой герой пресмыкается перед приживальщиком и сносит его унижения, исследователь видит изображенный Достоевским парадокс: «Егор Ильич – не гонимый, не униженный, не оскорбленный. Он занимает прочное, обеспеченное и почетное место в обществе. Он человек военной выучки, полковник в отставке, владелец имения в шестьсот душ. В психике его нет ничего забитого, болезненного, искривленного» [Кирпотин, 1960, с. 520]. Интересно, что в работе Кирпотина уже выявлена некая квазирелигиозная составляющая власти Фомы: ученый называет его «пророком» и «божком» усадьбы Ростанева [Кирпотин, 1960, с. 528]. Автор очень точно описывает риск положительно-прекрасного человека попасть в отношения зависимости, потому что его добротой легко воспользоваться: «...добрый человек не видит и не понимает злого человека, не умеет постоять за себя, не верит в себя» [Кирпотин, 1960, с. 542], как и происходит с дядей.

В это же время (60-е гг. XX в.) тему власти Фомы, основанную на религиозном чувстве, осмысливает Н. И. Якушин и уже напрямую сравнивает Фому с образом сектантского лидера: «В подобных людях фанатизм, искренняя вера в свою исключительность часто сочетались с трезвым расчетом и хитростью. Они каким-то внутренним чутьем угадывали обстановку и настроение окружающих и в соответствии с этим вели себя, подчиняя нередко своему влиянию суеверных, темных людей. Из породы ничтожных, чванливых людей вышел и Фома. Из этой же среды в свое время выходили всякого рода прорицатели, “святые” старцы, личности вроде Распутина и т.д.» [Якушин, 1960, с. 184]. Исследователь справедливо отмечает, что природа такой власти «здравомыслящему человеку» непонятна, но Достоевского, как большого художника, не мог не заинтересовать этот феномен: когда «подчас самые ничтожные люди <...> вдруг оказывались в центре внимания, становились вершителями многих судеб, облекались неограниченной властью» [Якушин, 1960, с. 184]. Сравнение Фомы с Григорием Распутиным, наделенным, подобно Фоме в семействе Ростанева, неограниченной властью в последней царской семье, делает произведение еще более «масштабным» по проблематике и позволяет говорить еще об одном «пророчестве» Достоевского и «предвидении» им исторических событий (о «пророчествах» Достоевского в отношении хода российской истории см., напр.: [Сараскина, 1990]).

В конце XX в. рассмотрение темы «культы» Фомы продолжила Л. М. Лотман, выделив «огромную роль в этом процессе <...> одурманивания» (! – Т.К.) красноречия Фомы, которое «тем более действенное, чем бессмысленное, а, следовательно, “таинственнее” его слова» [Лотман, 1987, с. 160]. Такое наблюдение буквально совпадает с выводами ученых, современников Достоевского, занимавшихся изучением проблемы сект. Так, И. М. Добротворский отмечает, что хлыстовские «пророки» намеренно изъяснялись непонятно и запутанно, чтобы

придать своим речам больше «таинственности»: чем непонятнее его речи, тем больше их будут разгадывать, и, «если пророк говорит глупости, никто не смеет подумать, что это глупости, но стараются находить в его словах смысл, которого они не имеют» [Добротворский, 1869, с. 56]. Интересно в этой связи отметить, что Л. М. Лотман называет Фому «самозванным пророком» [Лотман, 1987, с. 161] и указывает на установленный им в усадьбе Ростанева тотальный контроль не только поступков и слов, но даже мыслей и снов (комический эпизод с обсуждением сна Фалалея про белого быка) [Лотман, 1987, с. 161]. Автор улавливает в феномене власти Фомы Опискина ярко выраженную религиозную, а точнее квазирелигиозную, составляющую: «фантастические отношения, которые дают ему (Фоме. – Т.К.) возможность безотчетно властвовать над окружающими» [Лотман, 1987, с. 160] – это и есть отношения культовой (сектантской) аддикции (о признаках культовой аддикции (зависимости) см., напр.: [Дворкин, 2012]; [Хассен, 2006]). Однако в них нет ничего «фантастического» – Достоевский лишь предвосхищает в своем романе те наблюдения о феномене такого рода зависимости, которые будут сделаны уже в наши дни.

Наиболее полно проблему культа Фомы рассматривает современный ученый Е. Г. Постникова, справедливо отмечая, что Достоевский исследует проблему «харизмы власти», «тайны психологического превосходства и подчинения» [Постникова, 2016, с. 123]. С исследователем нельзя не согласиться: действительно, те идеи писателя о *механизмах* власти и *природе* власти, к которым он приходит в «Селе Степанчиковом», можно считать уже новым знанием о человеке, частью художественной антропологии Достоевского. Интересно, что Постникова называет Фому Опискина «харизматическим лидером» – термин, применимый в настоящее время именно к лидеру культа. Ученый выделяет целый ряд «символов власти», с помощью которых закрепляется «особая роль Властителя, которую играет Фома в своем кругу»: почтительное молчание всех, когда говорит Фома, напряженное ожидание его прихода [Постникова, 2016, с. 126]³. Автор выделяет образы-символы «царя», «отца» и «духовного лица» [Постникова, 2016, с. 128], которые как бы «принимает на себя» Фома для утверждения своей власти. «Инtronизация» Фомы, по мысли ученого, носит «магический» характер и происходит в главе «Ваше превосходительство», когда Фома добивается-таки от дяди этого обращения в свой адрес [Постникова, 2016, с. 128]. Притом эта «шутовская» власть оказывается настолько прочной, что сохраняется и после смерти Фомы, когда дядя и Настенька с почтением ходят на его могилу.

Через самозванство Фомы Е. Ю. Сафронова рассматривает прием иронии – жанровый признак комического романа – как определил жанр произведения сам автор (28/1, с. 209): «...автор иронизирует над самоуверенностью приживальщика, который мнит себя “многознающим”, гением столетия и т.д. Герой развенчивается эстетически: весь текст художественного произведения призван выявить ограниченность позиции Фомы» [Сафронова, 2021, с. 118].

³ Орфография авт. – Т.К.

Следует заметить, что при обращении к «Селу Степанчикову» анализ образа Фомы чаще всего начинается с его «воцарения» в доме полковника, тогда как его положение в доме генерала зачастую видится как «униженное», «зависимое» и т.д., и власть Фомы в доме полковника исследователи порой связывают с тем, что «униженный» бедняк наконец «отыгрывается» за то, что всю жизнь был «шутом» (см. об этом, напр.: [Переверзев, 1982, с. 234]; [Чирков, 1967, с. 31–35]). Однако нельзя забывать, что почитание Фомы «женской половиной» дома началось еще у генерала Крахоткина. Один из немногих исследователей, обративших внимание на начало «владычества» Фомы над умами и сердцами «женской половины» генеральского дома, В. Я. Кирпотин справедливо обосновывает ее «сплетнями, игрой на суевериях и невежестве» [Кирпотин, 1960, с. 529] и так же справедливо утверждает, что власть Фомы, прочно установившаяся в доме Ростанева, «держалась не на его силе, а на слабости других» [Кирпотин, 1960, с. 535]. Эта «слабость», соотносимая с «суеверием и невежеством» и формирует зависимые отношения, позволяя Фоме властвовать и манипулировать религиозными чувствами женской половины семейства генерала и в полной мере – семейства полковника. Для иллюстрации положения Фомы в доме генерала Крахоткина Достоевский упоминает образ известного московского «дурачка» – Ивана Яковлевича Корейши: «Генеральша питала к нему какое-то мистическое уважение, – за что? неизвестно. Мало-помалу он достиг над всей женской половиной генеральского дома удивительного влияния, отчасти похожего на влияния различных Иван-Яковличей и тому подобных мудрецов и прорицателей, посещаемых в сумасшедших домах иными барынями, из любительниц. Он читал вслух душеспасительные книги, толковал с красноречивыми слезами о разных христианских добродетелях; рассказывал свою жизнь и подвиги; ходил к обедне и даже к заутрене, отчасти предсказывал будущее; особенно хорошо умел толковать сны и мастерски осуждал ближнего» (т. 3, с. 8). Отсылка к Ивану Яковлевичу и употребление его имени как нарицательного неслучайна и может помочь разъяснить феномен почитания тирана-приживальщика. О соотношении Фомы с Иваном Яковлевичем Корейшей специальных исследований пока не предпринималось.

Иван Яковлевич Корейша (по некоторым источникам – Корейш [Киреев, 1898]) (1780–1861), образ которого отчасти подсказал Достоевскому создание характера Фомы (т. 3, с. 507), широко почитаемый в народе как «пророк» и «блаженный», в течение 44 лет находился на лечении в Московской Преображенской психиатрической больнице, и многие, особенно дамы, ходили к нему «за советом» в житейских делах. Впоследствии этот образ станет прототипом Семена Яковлевича в «Бесах».

Черты Ивана Яковлевича Корейши весьма явственно прослеживаются и в Фоме, который, пользуясь страстью ко всему «таинственному» и «мистическому», уже в доме генерала начинает демонстрировать свою «особенную» религиозность, толкует сны, предсказывает будущее. Фома знает эту, в особенности дамскую, страсть к мистическому, ко всякого рода толкованиям и прорицаниям

и ловко пользуется суеверием и невежеством «женской половины» генеральского дома, чем завоевывает себе авторитет. В современных сектоведческих исследованиях среду распространения таких мистических настроений называют «окультной» (или «культовой») «средой общества», в которой находятся люди с высоким риском попадания в секты (обращающиеся к гадалкам и экстрасенсам, составляющие гороскопы, увлекающиеся эзотерикой и т.д.) (см., напр.: [Дворкин, 2012, с. 52]; [Мартинович, 2018, с. 92–93]). Такая же окультная среда общества на полтора столетия ранее изображена в «Селе Степанчиково...», несмотря на внешние православные формы: празднование именин, поездки на богомолье в монастырь и т.д.

На «окультную среду общества» в Степанчикове, ждущую и ищущую себе «прорицателя», обращает внимание и В. Я. Кирпотин, характеризуя ее в реалиях, сходных с Поэмой о Великом Инквизиторе, – когда бремя свободы оказывается слишком тяжело и человек ищет, на кого бы переложить его: «Обитатели села Степанчикова как бы предназначены были для того, чтобы поклониться первому же умелому проходимцу, чтобы трепетно выслушать первое же властное слово <...> Достаточно было кому-нибудь взять в руки пруттик, чтобы они доверились ему как пастырю. Им нужно было слушаться, им нужен был поводырь, “пророк” – и “пророк” явился им в лице Фомы Фомича Опискина» [Кирпотин, 1960, с. 530–531]. Безусловно, «короля играет свита», и власть Фомы обусловлена именно тем обществом, в котором она устанавливается.

Первым, кто решился развенчать культ Ивана Яковлевича Корейши, был И. Г. Прыжов, впоследствии ставший прототипом Толкаченко в «Бесах». Безусловно, участие автора в деле Нечаева сильно испортило его репутацию, в связи с чем многие исследователи до сих пор ставят под сомнение его работу (напр.: [Мельник, 2004]). (Впрочем, следует отметить, что М. С. Альтман, изучавший биографию Прыжова и посвятивший ему отдельную книгу, высказывает вполне обоснованное предположение о том, что Прыжов хотел выйти из организации Нечаева и, более того, Нечаевым было совершено покушение на убийство Прыжова [Альтман, 1932, с. 79]).

Тем не менее, образ лжепророка, его деструктивное влияние на общество, создание ажиотажа вокруг больного человека в книге Прыжова показаны как нельзя более убедительно. Предсказания Ивана Яковлевича, расплывчатые и «таинственные», которые нужно еще «разгадать», «сбывались» с завидным постоянством, и все, с ним связанное, сакрализовывалось и мистифицировалось: «Записочки Ивана Яковлевича носят на кресте; они исцеляют от зубной боли...» [Прыжов, 1864, с. 8]. «Странности» юродивого выходили далеко за грани приличия: видимо, понимая, что ему, как «дурачку», все прощительно, а значит, и все позволено, он не терялся: «девушек сажает к себе на колени и вертит их; пожилых женщин он обливает и обмазывает разными мерзостями, заворачивает им платье, дерется и ругается» [Прыжов, 1864, с. 9]. Интересна также мысль Прыжова об Иване Яковлевиче, высказанная как бы вскользь, которую читателю

несложно додумать самостоятельно – о том, что на сознание больного человека, окруженного целой толпой поклонников, разрушительное влияние оказывало и банальное пьянство: «За обедом и ужином не запрещена Ивану Яковлевичу водочка» [Прыжов, 1864, с. 12]. Здесь нельзя не вспомнить тот эпизод в «Селе Степанчиково...», когда Сергей после всех чудачеств Фомы за столом вдруг находит объяснение происходящему: «Да он пьян» (III, 76). Однако пьянство Фомы видно только *трезвомыслящему* Сергею (даже Саше, которая пытается поднять бунт, в силу ее юного возраста, это невдомек), а все остальные настолько очарованы им, что будто бы сами находятся в измененном состоянии сознания, поэтому не замечают опьянения своего кумира. Слова Сергея прозвучали фактически как «А король-то голый». Этого разоблачения «Фома не мог вынести <...> взвизгнул, как будто его начали резать, и бросился вон» (III, 76). Визг Фомы явно напоминает поросячий визг и отсылает к знаменитому евангельскому эпизоду, который впоследствии станет эпиграфом к роману «Бесы» – о бесах, вошедших в стадо свиней и бросившихся в озеро (Мф. 8:32–33). Интересно также, что для подкрепления идеи своей «избранности» Фома сообщает, что ему «является» по ночам «какой-то человек с крыльями <...> или что-то вроде того» (т. 3, с. 13). Даже если это и была фантазия для произведения пушного эффекта на доверчивого дядю, Фоме, в общем, нетрудно было бы придумать, что ему «является» ангел. Так что следует предположить, что «какой-то человек с крыльями» введен в текст неспроста – очевидно, что это «маркёр» для читателя. Не ангел является Фоме, а искушающий «избранностью» и «величием» бес, который нашептывает ему о том, что ему «предстоит величайший подвиг, для которого он и на свет призван» (т. 3, с. 13).

Необходимо в этой связи отметить, что свт. Игнатий Брянчанинов, духовную и мировоззренческую близость которого с Достоевским отмечали многие исследователи (напр.: [Белоловов (Украинский), 1991]; [Живолупова, 1993] и др.), высказывал предположение об одержимости злыми духами Ивана Яковлевича Корейши [Игнатий Брянчанинов, свт.]. Призывал к трезвому отношению к подвигу юродства, различию настоящих юродивых Христа ради и мнимых священник Иоанн Ковалевский, служивший в Покровском Соборе Василия Блаженного на рубеже XIX–XX вв. и впоследствии подвергшийся репрессиям, как священнослужитель, при советской власти [Ковалевский, 2013]. Оба этих автора не подвергали сомнению достоверность фактов, изложенных в книге И. Г. Прыжова.

Врач-психиатр И. З. Копшицер, заинтересовавшийся феноменом Корейши уже в XX в., на основании сохранившейся его истории болезни и литературных источников выявил, что Иван Яковлевич страдал шизофренией, которая в то время еще не была описана, а также соотнес его поведение с признаками аутизма и маниакальных идей (величия, избранничества) [Копшицер, 1973]. «История И. Я. Корейши, – отмечает автор, – яркий пример уже отжившего свой век культа психически больных» [Копшицер, 1973, с. 50] и приходит к выводу о том, что «Корейша был типичный больной шизофренией и ничем не от-

личался от своих сотоварищей по несчастью. И только случай, а также невежество и суеверие его многочисленных поклонников сделали из него “пророка” и “провидца”» [Копшицер, 1973, с. 51]. Так и Фома был бы ничем не отличавшимся от других приживальщиков «плюгавеньким человечком», если бы невежество и суеверие окружавших его бездельниц во главе с генеральшей не сотворило бы из него кумира. Нельзя также не вспомнить о том, что именно приживальщики в «Братьях Карамазовых», в рассказе Ивана, попустительствуют гибели мальчика, затравленного собаками на глазах у матери, а впоследствии «приживальщиком» назван явившийся Ивану черт (подробнее об образе черта-приживальщика у Достоевского см.: [Карпачева, 2021]). Таким образом, «бесовская», «демоническая» сущность приживальщика Фомы Опискина в романе видна вполне отчетливо.

Личность Фомы окружена и посмертным почитанием: в имени уже сформировался его культ, который сохраняется и после его смерти, культовым почитанием окружены и материальные предметы, к которым он прикасался: «вещи его сберегаются как драгоценность» (т. 3, с. 165). Культ лжепророка, как показывает Достоевский, не заканчивается его смертью: некоторое (хотя и непродолжительное, в отличие от настоящих святых) время сохраняется и посмертное почитание. Так и после смерти Ивана Яковлевича особенно ревностные почитательницы, пришедшие с ним проститься, не дали обмыть его тело, обмыли сами и воду выпили (! – Т.К.) [Прыжов, 1864, с. 32]. Свидетельства об ажиотаже после смерти Ивана Яковлевича вокруг его тела можно найти и в других источниках. Его похороны, сопровождаемые языческими суеверными ритуалами наряду с христианскими молитвами, нашли отражение в «Очерках Москвы» А. С. Ушакова: «от усердия некоторые дамы покойника беспрестанно обкладывали ватой и брали ее назад с чувством благоговения; вату эту даже продавали; <...> некоторые изуверы, <...> отгрызали даже щепки от гроба» [Скавронский Н. (Ушаков А.С.), 1862, с. 211–212].

Гениальной интуицией художника Достоевский лишь «нащупывает» абсолютно новую проблему человеческих взаимоотношений, не объясняемую ни социальными, ни экономическими причинами. Суеверие, напряженное ожидание «чудес», толкование снов и т.д. делает людей более внушаемыми и ведет к возведению в культ лжепророков, религиозных аферистов или просто больных людей (известно, что долгое время вся психиатрическая больница, где находился И. Я. Корейша, существовала за счет пожертвований). Применительно к «Селу Степанчикову» можно говорить об антропологическом открытии Достоевского: о признаках «аддиктивной» (зависимой) личности, феномен которой будет открыт психологической наукой лишь недавно. Новая «аддиктивная личность» формируется под влиянием лидера культа, «гуру», и ей «навязывается» иная система ценностей, порой диаметрально противоположная той, которая была сформирована у человека до его встречи с «учителем» (см., напр.: [Волков, 1996, с. 87]; [Мандель, 2012, с. 176]; [Симатова, 2006, с. 164]). Так, Фома заставляет Ростанева поверить в свое ничтожество, отыскав в себе множество

пороков. Настойчиво повторяемое в отношении дяди словосочетание «мрачный эгоист» вносит яркий комический эффект, потому что ни то ни другое абсолютно не соответствует его характеру. Ростанев заботится о своей «маменьке», несмотря на все ее тиранство, как любящий сын; мужественно выносит нападки девицы Перепелицыной и содержит целый «штаб» маменькиных «приживалок, мосек, шпицев, китайских кошек и проч.» (т. 3, с. 6). Даже находясь под властью Фомы и в психологической зависимости от него, он все же сохраняет позитивное отношение к жизни, поэтому ни эгоистом, ни мрачным его назвать никак нельзя. Словосочетание «мрачный эгоист» по отношению к дяде, усиливающее характеристику, никак не соответствующую его облику, в тексте встречается четыре раза, а всего слова «эгоист», «эгоизм» и его производные («эгоистическая черта», «эгоистическая недоверчивость») звучат в адрес дяди из уст генеральши, девицы Перепелицыной, Фомы или его самого, когда он с этим определением соглашается, двадцать два раза: «Сорок лет прожил и до сих пор, до самой той поры, как тебя узнал, все думал про себя, что человек... ну и все там, как следует. А ведь и не замечал до сих пор, что грешен как козел, эгоист первой руки и наделал зла такую кучу, что диво, как еще земля держит!» (т. 3, с. 17); «Вы эгоист и даже мрачный эгоист... / Эгоист-то я эгоист, правда, Фома, и это вижу; с тех пор как тебя узнал, так и это узнал» (т. 3, с. 89); «...все это от испорченности моей природы, оттого, что я мрачный и сластолюбивый эгоист и без удержу отдаюсь страстям моим. Так и Фома говорит» (т. 3, с. 160) и т.д.

Поверив в то, что он «мрачный эгоист», дядя постоянно испытывает чувство вины, опять же, насаждаемое и сознательно культивируемое Фомой: «Оно, конечно, я виноват. Я, братец, еще не знаю, чем я именно провинился, но уж, конечно, я виноват» (т. 3, с. 11); «Я, братец, сам виноват, – говорит он, бывало, кому-нибудь из своих собеседников, – во всем виноват <...> он меня, напротив, одождает тем, что живет у меня, а не я его!» (т. 3, с. 14–15); «Я, может быть, и виноват перед тобою и даже, может быть, очень виноват» (т. 3, с. 36); «О, как я виноват пред всеми! Я и перед тобой виноват...» (т. 3, с. 160). Чувство вины перед группой, перед «учителем» является обязательным для члена секты, и лидер специально культивирует его. Чем больше человек чувствует себя «ничтожным» и «виноватым», тем больше поручений ему может дать «гуру», чтобы он, как бы «в наказание» и чтобы загладить свою «вину», их выполнил. (см. об этом, напр.: [Хассен, 2006, с. 127–128]).

Показательно, что и женившись на Настеньке, Ростанев не перестал считать себя «мрачным эгоистом» (т. 3, с. 160), и здесь можно сделать печальный вывод о том, что даже счастливая семейная жизнь не является «гарантом» свободы от культовой зависимости. Феномен секты, ограниченной «семейным кругом» (по аналогии с «Тартюфом» Мольера), в наши дни идентифицируется исследователями как «малый персональный культ» (см., напр.: [Хассен]) – для классификации группы, изображенной в «Селе Степанчиково», это определение идеально бы подошло. Разрушительные отношения зависимости и абсолютизации власти лица, наделяемого в узком кругу сверхъестественными способностями

ми или особенными мистическими «дарованиями», превращают в секту вполне благополучное семейство.

Итак, отсылка к лжеюрродивому Ивану Яковлевичу Корейше в «Селе Степанчиково» помогает разъяснить феномен почитания «шута» и приживальщика, который впоследствии получил название «культ психических больных». Здесь фактически изображен весь абсурд культовой зависимости, ничтожность личности лидера культа, образа «гуру» как «голого короля». Не может защитить от культовой зависимости даже счастливая семейная жизнь (семейное счастье Ростанева и Настеньки). «Жертвой» культовой зависимости может стать кто угодно: ни богатство, ни бедность, ни счастье, ни несчастье, ни наличие или отсутствие семьи от этого «не застраховывают». На отношения «культовой зависимости» влияет, в первую очередь, магическое мышление и суеверие, дающие почву для появления самозванных «пророков» типа Корейши.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Алексеев, М. П.** О драматических опытах Достоевского / М. П. Алексеев. – Одесса, 1921. – 22 с.
- 2. Альтман, М. С.** Иван Гаврилович Прыжов / М. С. Альтман. – Москва: изд-во Всесоюзного общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. – 176 с.
- 3. Альтман, М. С.** Из арсенала имен и прототипов литературных героев Достоевского / М. С. Альтман // Достоевский и его время. – Ленинград: Наука, 1971. – С. 196–216.
- 4. Беловолов, (Украинский) Г. В.** Старец Зосима и епископ Игнатий Брянчанинов / Г. В. Беловолов (Украинский) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 9. – Ленинград: Наука, Ленингр. отд., 1991. – С. 167–178.
- 5. Волков, Е. Н.** Основные модели контролирования сознания (реформирования мышления) / Е. Н. Волков // Журнал практического психолога. – 1996. – № 5. – С. 86–95.
- 6. Гроссман, Л. П.** Достоевский / Л. П. Гроссман. – Москва: Молодая гвардия. ЖЗЛ. Вып. 4 (357). Изд. 2, испр. и доп., 1965. – 608 с.
- 7. Дворкин, А. Л.** Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Изд. 3 / А. Л. Дворкин. – Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2012. – 813 с.
- 8. Добротворский, И. М.** Люди божии. Русская секта так называемых духовных христиан / И. М. Добротворский. – Казань: Университетская типография, 1869. – 200 с.
- 9. Живолупова, Н. В.** Антиномия духовного и телесного в художественном сознании русских писателей. Достоевский и И. Брянчанинов. Проблема смерти / Н. В. Живолупова // 2-й Петербургский симпозиум историков русской философии «Русская философия: новые решения старых проблем». Тезисы. Ч. 1. – Санкт-Петербург, 1993. – С. 93–95.

10. Игнатий Брянчанинов, свт. О отшельнической жизни / Игнатий Брянчанинов. – URL: Игнатий (Брянчанинов) https://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/prinoshenie-sovremennomu-monashestvu. (1.04.2024).

11. Карпачева, Т. С. Приживальщики и мировое зло в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / Т. С. Карпачева // Культура и текст. – 2021. – № 4 (47). – С. 99–107.

12. Кибальник, С. А. «Село Степанчиково» как криптопародия на социалистов // Достоевский и современность. Матер. XXIV Междунар. Старорусских чтений 2009 г. – Великий Новгород, 2010. – С. 102–117.

13. Киреев, А. Ф. Юродивый Иван Яковлевич Корейш. 2 изд., доп. / А. Ф. Киреев. – Москва: тип. И. Я. Полякова, 1898. – 96 с.

14. Кирпотин, В. Я. Ф. М. Достоевский. Творческий путь (1821–1859) / В. Я. Кирпотин. – Москва: ГИХЛ, 1960. – 607 с.

15. Ковалевский, И. А. Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви. Исторический очерк и жития сих подвижников благочестия / И. А. Ковалевский. – Москва: Книговек, 2013. – 256 с.

16. Копшицер, И. З. О психическом заболевании И. Я. Корейши / И. З. Копшицер // Наука и религия. – 1973. – № 8. – С. 50–51.

17. Лотман, Л. М. «Село Степанчиково» Достоевского в контексте литературы второй половины XIX в. / Л. М. Лотман // Достоевский. Материалы и исследования. – Ленинград, 1987. Т. 7. – С. 152–165.

18. Мандель, Б. Р. Психология зависимостей (аддиктология). Учеб. пособие / Б. Р. Мандель. – Москва: Вузовский учебник, ИНФРА-М, 2012. – 320 с.

19. Мартинович, В. А. Сектантство: возникновение и миграция. Материалы к изучению нетрадиционной религиозности. Т. 1 / В. А. Мартинович. – Москва: Познание, 2018. – 552 с.

20. Мельник, В. И. Блаженный Иоанн Корейша в русской литературе: художественный образ и духоносная личность / В. И. Мельник // Духовный Собеседник. – 2004. – № 4 (40). – Самара: Самарский Дом печати. – С. 136–152.

21. Мочульский, К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / К. В. Мочульский. – Москва: Республика, 1995. – 607 с.

22. Нестюричева, Н. А. Реминисцентное измерение повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» / Н. А. Нестюричева // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. История и филология. – 2013. – Вып. 4. – С. 25–32.

23. Переверзев, В. Ф. Гоголь. Достоевский. Исследования / В. Ф. Переверзев. – Москва: Советский писатель, 1982. – 511 с.

24. Постникова, Е. Г. Феномен «харизмы власти» в повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» / Е. Г. Постникова // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2016. Т. 1 (1). – С. 123–138.

25. Прыжов, И. Г. Двадцать шесть московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков. Изд. Н. Баркова / И. Г. Прыжов. – Москва: тип. Семена, 1864. – 158 с.

26. Сараскина, Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение / Л. И. Сараскина. – Москва: Советский писатель, 1990. – 480 с.

27. Сафронова, Е. Ю. Вопрос о жанре произведения Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» / Е. Ю. Сафронова // Филология и человек. – 2021. – № 1. – С. 114–133.

28. Симатова, О. Б. Психология зависимости. Учеб. пособ. / О. Б. Симатова. – Чита: Забайкальский гос. гуманитарно-пед. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2006. – 301 с.

29. Скавронский, Н. (Ушаков А.С.) Очерки Москвы Н. Скавронского. Вып. 1 / Н. Скавронский. – Москва: в тип. Бахметева, изд. А. Черенин и К°, 1862. – 287 с.

30. Тынянов, Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) / Ю. Н. Тынянов. – Петроград: ОПОЯЗ, 1921. – 48 с.

31. Хассен, С. Освобождение от психологического насилия / С. Хассен. – Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2002. – 396 с. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/sekty/osvobozhdenie-ot-psihologicheskogo-nasilija> (24.12.2023).

32. Хассен, С. Противостояние сектам и контролю над сознанием / С. Хассен. – Москва: АСТ, 2006. – 315 с.

33. Чирков, Н. М. О стиле Достоевского. Проблематика. Идеи. Образы / Н. М. Чирков. – Москва: Наука, 1967. – 303 с.

34. Чулков, Г. И. Как работал Достоевский / Г. И. Чулков. – Москва: Советский писатель, 1939. – 339 с.

35. Якушин, Н. И. Достоевский в Сибири. Очерк жизни и творчества / Н. И. Якушин. – Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1960. – 210 с.

REFERENCES

1. **Alekseev, M. P.** O dramaticheskikh opytah Dostoevskogo / M. P. Alekseev. – Odessa, 1921. – 22 s.

2. **Al'tman, M. S.** Ivan Gavrilovich Pryzhov / M. S. Al'tman. – Moskva: izd-vo Vsesoyuznogo obshch-va politkatorzhan i ssyl'noposelencev, 1932. – 176 s.

3. **Al'tman, M. S.** Iz arsenala imen i prototipov literaturnyh geroev Dostoevskogo / M. S. Al'tman // Dostoevskij i ego vremya. – Leningrad: Nauka, 1971. – S. 196–216.

4. **Belovolov, (Ukrainskij) G. V.** Starec Zosima i episkop Ignatij Bryanchaninov / G. V. Belovolov (Ukrainskij) // Dostoevskij. Materialy i issledovaniya. T. 9. – Leningrad: Nauka, Leningr. otd., 1991. – S. 167–178.

5. Chirkov, N. M. О stile Dostoevskogo. Problematika. Idei. Obrazy / N. M. Chirkov. – Moskva: Nauka, 1967. – 303 с.

6. Chulkov, G. I. Kak rabotal Dostoevskij / G. I. Chulkov. – Moskva: Sovetskij pisatel', 1939. – 339 s.

7. Dvorkin, A. L. Sektovedenie. Totalitarnye sekty. Opyt sistematicheskogo issledovaniya. Izd. 3 / A. L. Dvorkin. – Nizhnij Novgorod: Hristianskaya biblioteka, 2012. – 813 s.

8. Dobrotvorskij, I. M. Lyudi bozhii. Russkaya sekta tak nazyvaemyh duhovnyh hristian / I. M. Dobrotvorskij. – Kazan': Universitetskaya tipografiya, 1869. – 200 s.

9. Grossman, L. P. Dostoevskij / L. P. Grossman. – Moskva: Molodaya gvardiya. ZhZL. Vyp. 4 (357). Izd. 2, ispr. i dop., 1965. – 608 s.

10. Hassen, S. Osvobozhdenie ot psihologicheskogo nasiliya / S. Hassen. – Sankt-Peterburg: Prajm-Evroznak, 2002. – 396 s. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/sekty/osvobozhdenie-ot-psihologicheskogo-nasilija> (24.12. 2023).

11. Hassen, S. Protivostoyanie sektam i kontrolyu nad soznaniem / S. Hassen. – Moskva: AST, 2006. – 315 s.

12. Ignatij Bryanchaninov, svt. O otshel'niceskoy zhizni / Ignatij Bryanchaninov. – URL: Ignatij (Bryanchaninov) https://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/prinoshenie-sovremennomu-monashestvu. (1.04.2024).

13. Karpacheva, T. S. Prizhival'shchiki i mirovoe zlo v romane F. M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy» / T. S. Karpacheva // Kul'tura i tekst. – 2021. – № 4 (47). – S. 99–107.

14. Kibal'nik, S.A. «Selo Stepanchikovo» kak kriptoparodiya na socialistov / S. A. Kibal'nik // Dostoevskij i sovremennost'. Mater. XXIV Mezhdunar. Starorusskih chtenij 2009 g. – Velikij Novgorod, 2010. – S. 102–117.

15. Kireev, A. F. Yurodivyj Ivan Yakovlevich Korejsh. 2 izd., dop. / A. F. Kireev. – Moskva: tip. I.Ya. Polyakova, 1898. – 96 с.

16. Kirpotin, V. Ya. F. M. Dostoevskij. Tvorcheskij put' (1821–1859) / V.Ya. Kirpotin. – Moskva: GIHL, 1960. – 607 s.

17. Kovalevskij, I. A. Yurodstvo o Hriste i Hrista radi yurodivye vostochnoj i russkoj cerkvi. Istoricheskij ocherk i zhitiya sih podvizhnikov blagochestiya / I. A. Kovalevskij. – Moskva: Knigovek, 2013. – 256 s.

18. Kopshicer, I. Z. O psihicheskom zabolevanii I.Ya. Korejshi / I. Z. Kopshicer // Nauka i religiya. – 1973. – № 8. – S. 50–51.

19. Lotman, L. M. «Selo Stepanchikovo» Dostoevskogo v kontekste literatury vtoroj poloviny XIX v. / L. M. Lotman // Dostoevskij. Materialy i issledovaniya. – Leningrad, 1987. T. 7. – S. 152–165.

20. Mandel', B. R. Psihologiya zavisimostej (addiktologiya). Ucheb. posobie / B. R. Mandel'. – Moskva: Vuzovskij uchebnik, INFRA-M, 2012. – 320 s.

21. Martinovich, V. A. Sektantstvo: voznikovenie i migraciya. Materialy k izucheniyu netradicionnoj religioznosti. T. 1 / V. A. Martinovich. – Moskva: Poznanie, 2018. – 552 s.

22. Mel'nik, V. I. Blazhennyj Ioann Korejska v russkoj literature: hudozhestvennyj obraz i duhonosnaya lichnost' / V. I. Mel'nik // Duhovnyj Sobesednik. – 2004. – № 4 (40). – Samara: Samarskij Dom pečati. – S. 136–152.

23. Mochul'skij, K. V. Gogol'. Solov'ev. Dostoevskij / K. V. Mochul'skij. – Moskva: Respublika, 1995. – 607 s.

24. Nestyuricheva, N. A. Reminiscentnoe izmerenie povesti F. M. Dos-toevskogo «Selo Stepanchikovo i ego obitateli» / N. A. Nestyuricheva // Vestnik Udmurtskogo unta. Ser. Istoriya i filologiya. – 2013. Vyp. 4. – S. 25–32.

25. Pereverzev, V. F. Gogol'. Dostoevskij. Issledovaniya / V. F. Pereverzev. – Moskva: Sovetskij pisatel', 1982. – 511 s.

26. Postnikova, E. G. Fenomen «harizmy vlasti» v povesti F. M. Dos-toevskogo «Selo Stepanchikovo i ego obitateli» / E. G. Postnikova // Praktiki i interpretacii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nyh i kul'turnyh issledovanij. – 2016. T. 1 (1). – S. 123–138.

27. Pryzhov, I. G. Dvadcat' shest' moskovskih lzhe-prorokov, lzhe-yurodivyh, dur i durakov. Izd. N. Barkova / I. G. Pryzhov. – Moskva: tip. Semena, 1864. – 158 s.

28. Saraskina, L. I. «Besy»: roman-preduprezhdenie / L. I. Saraskina. – Moskva: Sovetskij pisatel', 1990. – 480 s.

29. Safronova, E. Yu. Vopros o zhanre proizvedeniya F. M. Dostoevskogo «Selo Stepanchikovo i ego obitateli» / E.Yu. Safronova // Filologiya i chelovek. – 2021. – № 1. – S. 114–133.

30. Simatova, O. B. Psihologiya zavisimosti. Ucheb. posob. / O. B. Simatova. – Chita: Zabajkal'skij gos. gumanitarno-ped. un-t im. N. G. Chernyshevskogo, 2006. – 301 s.

31. Skavronskij, N. (Ushakov A. S.) Oчерki Moskvy N. Skavronskogo. Vyp. 1 / N. Skavronskij. – Moskva: v tip. Bahmeteva, izd. A. Cherenin i K°, 1862. – 287 s.

32. Tynyanov, Yu. N. Dostoevskij i Gogol' (k teorii parodii) / Yu.N. Tynyanov. – Petrograd: OPOyAZ, 1921. – 48 s.

33. Volkov, E. N. Osnovnye modeli kontrolirovaniya soznaniya (reformirovaniya myshleniya) / E. N. Volkov // Zhurnal prakticheskogo psihologa. – 1996. – № 5. – S. 86–95.

34. Yakushin, N. I. Dostoevskij v Sibiri. Oчерk zhizni i tvorchestva / N. I. Yakushin. – Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izd-vo, 1960. – 210 s.

35. Zhivolupova, N. V. Antinomiya duhovnogo i telesnogo v hudozhestvennom soznanii russkikh pisatelej. Dostoevskij i I. Bryanchaninov. Problema smerti / N. V. Zhivolupova // 2-j Peterburgskij simpozium istorikov russkoj filosofii «Russkaya filosofiya: novye resheniya staryh problem». Tezisy. Ch. 1. – Sankt-Peterburg, 1993. – S. 93–95.